

Т.А. Шрадер

С ТОРГОМ В НОРВЕГУ (Поморская торговля как фактор взаимовлияния культур)

На протяжении нескольких столетий население прибрежных районов Белого моря тесно контактировало с жителями северных областей соседней Норвегии. Переселение на Север к Белому морю с русской стороны проходило в XII–XV вв. из Новгородских и Ростово-Суздальских земель. Новгородская и верхневолжская колонизация имела свои зоны освоения — западную и восточную, хотя эту границу абсолютной считать нельзя. Можно предположить, что западное побережье Белого моря, подразделяемое на Карельский и Поморские берега, было заселено выходцами из новгородских земель, которые на протяжении веков сохраняли элементы культуры, близкой к балтийскому ареалу. Среди переселенцев Сумско-Кемского Кандалакшко-Кольского районов термин «помор» являлся синонимом слова «новгородец»¹.

С норвежской стороны первые норвежцы-колонисты появились за полярным кругом в районе г. Тромсё в 600–800 гг. н.э. Это были торговцы и промышленники, селились они на побережье, где торговали с местным населением — прибрежными саамами². Церковь в Тромсё была построена в середине XIII в., и ее наличие способствовало развитию национальных, административных и культурных традиций на крайнем севере Норвегии³. В селении Вардё, расположенном наиболее близко к русским землям, в 1307 г. была освящена церковь и при короле Хоконе V основана крепость (1270–1319) для охраны северных границ⁴.

В середине XIII в. отношения между норвежцами и русскими были не из лучших. Прежде всего это касалось северных территорий европейского континента, где сталкивались интересы обоих государств по сбору дани с лопарей. Князь Александр (Невский) направил из Новгорода посланца к королю Хокону с заданием урегулировать вопрос о сборе дани, ибо сборщики Хокона вторгались на территорию Руси. Русские со своей стороны неоднократно устраивали набеги на северные области Норвегии, о чем повествуют сложившиеся в тот период норвежские предания. В 1251 г. был заключен договор, после этого граница между Норвегией и Русью проходила согласно одному из первых русско-норвежских договоров в районе Печенгской губы. В XIV в. отношения на Севере, за полярным кругом, не отличались мирным

характером, баталии проходили с переменным успехом для новгородцев и норвежцев. В 1323 г. была заключен Ореховецкий договор со Швецией, по которому была установлена шведско-новгородская граница. Но и XV в. не был мирным для северных земель. Новгородские и норвежские военные походы не способствовали торговым контактам на Севере. Только к началу XVI в. военные столкновения становятся редким явлением, устанавливаются мирные торговые отношения. В середине XVI в. возникают первые постоянные русские поселения — Печенга, Цып-наволоок. К началу XVII в. обустраивается первый город на Русском Севере — Кола⁵. Кола становится административным центром Кольского полуострова. В городе был открыт двор для норвежских купцов⁶.

Необходимо отметить исследования российского историка-скандинависта И.П. Шаскольского, посвятившего ряд работ Русскому Северу. Так, в статье И.П. Шаскольского о плавании древнерусских моряков вокруг Скандинавского полуострова «Путешествие Григория Истома» автор на основе многочисленных шведских, норвежских и русских источников осторожно указал 1200-е гг. как начало плаваний русских около берегов Норвегии⁷, дал краткий обзор контактов жителей этого района в XIII–XV вв. и поэтапно проследил путь судов московского посланника Григория Истомина в 1496 г. из устья Северной Двины в европейские страны, мимо берегов Северной Европы, с упоминанием Вардегус и других пунктов на норвежской земле⁸.

Представляет интерес описание встреч с русскими на Кольском полуострове иностранцев, искавших путь к богатствам Востока через Север. Так, Стифен Бэрроу в 1555–1556 гг., во время путешествия в полярные районы под командованием Ченслера, написал, что около устья реки Кола они встретили до 30 лодок с экипажем в 24 человека на каждой, все они шли на Север, обгоняя корабль англичан⁹.

В 1576 г. Уильям Бэрроу, брат Стифена, сообщил, что, когда он в 1557 г. 29 июня в день Св. Петра был в Кигоре (Кигор — горный мыс на северной оконечности Рыбачьего полуострова; в настоящее время Кегур. — *Т.Ш.*) на ярмарке были встречи русских, карел, лопарей, т.е. подданных русского царя, и норвежцев и саамов, подданных датского короля. Они меняли рыбу на разные товары¹⁰.

В книге П.М. Ламартиньера «Путешествие в северные страны» (1653) французский врач, участник экспедиции Северной торговой компании из Копенгагена, побывал в Норвегии, в том числе в Вардегусе и Коле. Все корабли этой компании дошли до Оби. П.М. Ламартиньер описывал свои впечатления о норвежцах и русских в Коле, куда члены экспедиции из-за

вынужденного ремонта судна ездили, пользуясь услугами норвежцев из Вардегуса и соседних селений¹¹.

Представленный краткий перечень описания контактов русских и норвежцев в заполярных районах подтверждает многовековой опыт хождения русских в северных водах и различного вида контактов между соседними народами.

На протяжении столетий русские с Белого моря ходили в Баренцево на лов рыбы, моржей, на Шпицберген. Это были мужественные люди, не боявшиеся шторма, стужи, многие из них не возвращались домой. На протяжении веков они также ходили на лов рыбы к норвежским берегам, куда косяки рыбы (трески, сельди) по природным условиям в большом количестве шли на нерест и в поисках корма. Заходили поморы в норвежские рыболовецкие селения, строили на пустынных северных берегах избы, рубленные из бревен. Но поскольку до конца XVIII в. в северных районах Норвегии существовала монопольная торговля бергенских и копенгагенских купцов, местные власти не допускали коммерческих контактов между русскими и норвежскими рыбаками. К концу XVIII в. на Севере Норвегии было уже значительное количество рыболовецких селений, в которых проживали норвежцы, саамы, квены (финны). Экономическое положение местного населения было настолько катастрофическим, что датско-норвежское правительство было вынуждено отменить монополию и официально разрешить норвежцам вести торговлю с поморами-рыбаками и купцами из России напрямую. Населенные пункты Вардё, Тромсё и Хаммерфест получили статус городов. Торговля в них носила меновый характер — русские привозили закупленные ими в Архангельске хлебные товары и выменивали их на рыбу различного вида. В летний период, когда нельзя было долго хранить свежую рыбу, торговля происходила прямо с лодок, корма к корме. Русские солили рыбу на месте купленной в Норвегии солью, которая была более высокого качества, чем русская, а затем везли рыбу на продажу в Россию. Предоставленная русским свобода торговли в северных провинциях Норвегии дала предпосылки к интенсивному экономическому развитию этого края. Надо отметить, что меновая торговля была четко регламентирована норвежскими законами, основа которых была заложена в «Договоре о торговле, мореплавании и дружбе, заключенным между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Королем Шведским и Норвежским 26 апреля/8 мая 1838 г.». Отдельные статьи и параграфы законов на протяжении последующих десятилетий менялись, но основные положения давали право русским судам в северных провинциях Норвегии продавать в портовых го-

родах в течение четырех недель товары прямо с судов, и они сохранялись на протяжении всего XIX в.

Совершали плавания в северные районы Норвегии жители Поморья, будучи хорошо осведомленными в их географии. Поэтому закономерен вопрос: каким образом они могли ориентироваться в северных водах при совершении плаваний на расстояния тысячи километров? Ответ на этот вопрос может дать исследование «мореходных книг» — лоций, которыми население Беломорья пользовалось, вероятно, на протяжении нескольких столетий. Рукописные книги-лоции тщательно сохранялись поморами и переходили из поколения в поколение. Эти мореходные книги, являвшиеся коллективным творчеством жителей края, как бы вобрали в себя весь опыт смелых поморских мореплавателей, их прекрасную осведомленность о географии Белого, Баренцева и Норвежского морей, а также о путях следования в восточном направлении от Архангельска до полуострова Канин. Среди различных географических пунктов в поморских лоциях отмечены места торговли и обмена товарами между норвежцами и поморами. Поморским лоциям посвящен ряд публикаций в XIX–XX вв. Впервые две лоции были опубликованы в 1866 г., позднее они печатались в различных журналах и книгах. Исследования практически всех известных поморских лоций представлены в работах И. Шундалова, М. Савинова и Т.А. Шрадер¹². Т.А. Шрадер на базе этих источников выявила более 40 населенных пунктов и 7 становищ с русскими избами в Северной Норвегии, которые посещались поморами во время их плаваний в эти районы.

Ходили поморы в Северную Норвегию с Поморского берега, Терского берега, Зимнего берега и с Мурмана (северная часть Кольского полуострова), везли товары и из Архангельска. Еще в конце XVIII в. русские привозили в Северную Норвегию канаты, парусину, тик, перину, лен, пеньку, железо, смолу, мыло, мед, доски, сколоченные борта судов, балки, мачты, гвозди, необработанные телячьи шкуры, юфть, резные изделия из кости. Из Норвегии они привозили в Архангельск и в свои родные места кроме рыбы промышленные товары, особенно красивую одежду, ситец, платки, сахар, сироп, кофе, французские вина, жернова, кафельные печи, гагачий пух, домашнюю утварь, посуду, вязаные изделия. Все эти вещи входили в быт поморов. Чай и кофе в XIX в. широко употреблялись представителями различных социальных прослоек Беломорья или населением, проживавшим по соседству с крупными торговыми центрами — Архангельском и Мезенью. Еще в начале XIX в. в одном из отчетов таможи было отмечено, что «один датский купец в Архангельске предлагал на мен кофе, не так хо-

рошей доброты, а его здесь имеется достаточное количество»¹³. В народе ходила поговорка: «Нищие просят здесь не на хлеб, а на кофе»¹⁴. Что касается одежды, то поморы шили ее, как правило, сами, но не из домотканной материи, а из покупной, приобретенной на ярмарках у приезжих купцов, или привозили из Норвегии¹⁵. К примеру, список товаров, привезенных в 1808 г. на судне помора Балова: он выменял на русские товары сырой трески 1520 пудов, трески сухой 700 пудов, палтусины 166 пудов, оленины 660 пудов. Куплено им на деньги помимо мягкой рухляди (мехов) 2 анкара водки, 1 анкарок кагору, 1 пуд сахара, 64 тарелки (белых), 36 чайных ложек, 3 платка женских, 6 пимен оленьих, 50 трубок курительных, 4 подсвечника, 1 дюжину карт, 30 лотов серебра, 25 бутылок, 159 аршин датской набойки, 2 куска коленкору, 18 фартуков, 5 платков кисейных¹⁶.

Но надо сказать, что и в Норвегию попадали вещи из России. В фондах музеев Северной Норвегии в Тромсё, Будё, Вардё и других городах в настоящее время хранятся изделия из дерева, бересты, моржовой кости, самовары, расписанная деревянная посуда, детали русских судов и др. (рис. 1, 2).

Рис. 1

Рис. 2

Представляет интерес один из эпизодов, описанный поморским писателем-сказителем Борисом Шергиным: «Множество поморов заезжало в Архангельск на сентябрьскую ярмарку. У города столько было кораблей, что воды не видно. Зуйки (юноши-помощники на поморских судах. — *Т.Ш.*) гуляют по архангельским улицам нарядные, в узорных вязаных рубахах или синих матросках с шейными платками». Здесь же Б. Шергин приводит частушку:

Экипажецка рубашка, норвецкой вороток,
Норвецкой вороток,
Окол щеечки платок,
Словно розовый цветок¹⁷.

Упоминание деталей норвежской одежды в частушке может свидетельствовать о том, что «норвецкой вороток» был модным у поморов.

Согласно отчетам Архангельского губернского комитета за 1886 и 1891 гг. из Норвегии в Архангельск поступали рыба соленая и сушеная, вино, кофе в зернах, соль, машины и аппараты, масло оливковое, музыкальные инструменты, краски, мазь для машин, бумажная пряжа и изделия из фарфора, стекло, медь, косы, серпы и прочие товары, доставляемые русскими купцами¹⁸. В города Сума, Сорока, Кемь, Мезень, Онегу шла рыба, соль, звериные

шкур. Центрами торговли поморов в Норвегии были города Вадсё, Вардё, Хаммерфест и Тромсё¹⁹, где русские должны были в обязательном порядке представить на таможне свои товары, а затем могли рассредоточиться по населенным пунктам побережья и торговать там ржаной, овсяной мукой, коровьим маслом, веревками, берестой, лесными материалами, свежим маслом, вареньем, конфетами и другими товарами. Правительство Норвегии учитывало роль этой торговли для развития северного края страны. В России в торговле с Северной Норвегией, несмотря на ее меньший объем по сравнению с другими зарубежными государствами, были заинтересованы достаточно широкие торговые круги. Такие товары, как пушнина и норвежская сухая и соленая треска, удобные для транспортировки, шли на рынки не только Севера России, но и внутренних районов страны²⁰.

Для исследования торговли всегда важны выводы экономической значимости торговых отношений, например, на Севере — таблицы о количестве товаров, доставленных в порты и их ценах. Но не менее важно ознакомиться с именами тех людей, которые ходили на своих судах торговать в Норвегию, общались с норвежскими рыбаками, бродили по улицам городов и селений Северной Норвегии. В Хаммерфесте и многих других северных городах люди среднего и пожилого возраста помнят рассказы родителей о том, как туда приходили русские лоды и шняки, на которых русские привозили муку, зерно, доски и другие товары, а домой забирали рыбу, мануфактурные и колониальные (заморские) товары, о «бородатых русских», раздававших ребятишкам конфеты «Бон-Бон».

В документах, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга и Архангельска, в норвежской и русской литературе о поморах возникают имена людей, которые ходили в Норвегию на своих судах или на судах купцов и зажиточных поморов. Одно из таких имен — Иван Рюхин, мещанин Сумского посада, который шел в 1810 г. на собственном судне «с грузом в 4000 пудов в Норвегию, в те места, где выгоднее менять...»²¹ В книге Б. Кошечкина «Имена на скале» и других работах о северных землях знакомимся с небольшим островом Аникиевым около Цып-Наволока, где на граните высечены имена заморских и русских купцов и поморов, которые на пути в Русь или из Руси ненадолго останавливались там и оставляли свои автографы. Имя Рюхина высечено на граните Аникиева острова, также и купец из Колы Антон Попов в 1788 г. оставил там свой автограф²².

Среди смелых исследователей арктических просторов хорошо известно имя Александра Кучина. Он родился в конце XIX в. в Олонецкой губернии, в селе Кучеренское, в семье бедного помора. Судьба его была тесно связана

с Норвегией, норвежскими полярными исследователями. Жизнь Александра Кучина рано оборвалась в ледяной пустыне Арктики, но перед походом на судне с экспедицией Н. Русанова он обручился с норвежской девушкой Аслауг Паулсон. Архивные документы содержат информацию о том, что в 1810 и 1811 гг. Алексей Кучин, селянин Кучеренска Онежской губернии, ходил в Норвегию торговать, а в 1898 г. в Вардё ходил Михаил Кучин²³. Определить, кем приходились Алексей и Михаил Александру Кучину, мы пока не можем, но твердо можно сказать, что корень этих людей един, и Кучины из разных веков имели тесные контакты с норвежцами.

Возьмем, к примеру, известного полярного советского капитана Владимира Воронина, капитана судов «Сибиряков», «Седов», «Челюскин». Навыки плавания в арктических морях он, без сомнения, получил от своих предков, поморов, живших в Сумском посаде Кемского уезда. Его двоюродный дядя Федор Воронин в 1874 г. спас в северных водах членов австрийской экспедиции и привел их на своей шхуне в Норвегию, в Вардё. Племянник Федора Яков Воронин во второй половине XIX в. был бесстрашным промышленником у берегов Новой Земли. Вновь можно привести строки из архивного документа, в котором говорится, что в 1808 г. Михалко Воронин из Сумского посада обязался идти в Норвегу, Тальвик, Алтен (Альта) и Амарфист (Хаммерфест) на собственном судне и отвезти в эти места 2005 пудов муки ржаной в 231 кулях, 21 пуд пеньки, 7 пудов льна, 2 пуда мыла казанского, 250 пудов соли английской, 182 аршина холста, 30 рогож и много другого товара²⁴. Ходил он в Норвегию в трудное для этой страны время, когда население самой северной провинции Финмаркен умирало от голода из-за военных действий крупных держав Европы. Поморы всего Беломорья активно снабжали северонорвежские селения всеми необходимыми товарами, и среди этих поморов был предок капитана Владимира Воронина.

На страницах архивных документов возникают имена поморов из различных мест Беломорья. Вот некоторые из них: братья Антуфьевы ходили в Норвегию всей семьей. Жили они в селе Мудьюжское, северо-восточнее г. Архангельска. Иван, Григорий, Петр и Федор, владея несколькими судами, ходили сами или посылали туда кормщиков с командой. В 20–30-е гг. XIX столетия бывали они в Вардё, Гамвике, Берлевоге, Ботсфьорде, Вадсё, перевоза традиционно русскую муку в Норвегию и норвежскую рыбу в Россию. Встречаем имена Александра, Павла, Ивана, Василия Антуфьевых, в 1898 г. ходивших в Норвегию²⁵. А в апреле 1916 г. от Антона и Владимира Антуфьева были направлены телеграммы в Министерство финансов России с просьбой разрешить вывоз на своих пароходах через архангельскую

таможню в Северную Норвегию 50 тыс. пудов ржаной и пшеничной муки, доставленных из центральных районов России. Просьба их была удовлетворена, несмотря на общероссийский запрет вывоза хлебных продуктов за границу²⁶.

Хорошо известны были в Кеми купцы Норкины. До сих пор старожилы помнят эту богатую семью, крепкий дом которых находился на одной из главных улиц города. В начале XIX в. семья Норкиных, а именно братья Федор, Василий, Антон, Иван, имели торговые сделки с норвежскими купцами: Карлом Герссом, Христианом Якальсеном, Петером Ростом, Оге Акерманом. На своих судах доставляли они в Хаммерфест, Вадсё, Вардё рожь, доски, свечи и другие товары. Купцы из города Кола также поддерживали тесные коммерческие связи с купцами из Вардё и Вадсё. В начале XIX в. купцы из Колы Степан Попов и Пахомов, купец из Архангельска Андрей Долгошеин, мещанин Самсон Роскутов из Сумы, мещанин Илья Корнилов, поморы Прокопий Щадрин и Федор Кузнецов, все из Кемской округи Сорочкой волости, заключили с финмаркенским купцом Нёрагером договор об обмене хлеба на рыбу и другие товары²⁷.

Имена всех крестьян-поморов и купцов упомянуть не представляется возможным, да и собрать их чрезвычайно трудно. Архивные документы все же помогают вспомнить имена тех людей, кто имел дружеские и коммерческие контакты с норвежцами. К тому же в повестях и рассказах писателя Бориса Шергина герои часто гостили в соседней Норвегии и имели реальных прототипов.

Небезынтересно упомянуть повесть русского писателя В.И. Немировича-Данченко «В чужом краю», опубликованную в 1872 г. В ней рассказывается о Гансе Ольсене, сыне норвежского купца из Хаммерфеста, который на протяжении 20 лет вел торговлю с кемскими и кольскими купцами. Отец Ганса погиб в море, Ганс был вынужден оставить учебу в Христиании, но ранее, живя с отцом, он общался с русскими и выучил язык. Весть о возможности стать колонистом на Мурмане привела его на Кольский полуостров. Но потерпев там неудачу, он отправляется в Санкт-Петербург. И далее писатель описывает его жизненные перипетии в этом большом городе. Можно сказать, что в повести этого знаменитого русского писателя отражена судьба одного из норвежцев, живших на Севере Норвегии и тесно связанных с русскими²⁸.

На поморских берегах практически каждый житель мог своими руками построить без чертежа небольшую лодку или карбас. Были на Севере и центры по судостроению. Поморы ходили на шняках, приспособленных для

плавания вдоль Мурманского побережья, на ранышинах, которыми пользовались на поморском побережье и в районе Колы, а также елах, завезенных норвежскими колонистами в середине XIX в. Кроме того, на Мурмане можно было встретить облегчающие труд приспособления, заимствованные у норвежцев. На крупных парусных судах-лодьях, принадлежавших купцам и зажиточным поморам, перевозилась значительная часть муки и рыбы, исчисляемая в несколько тысяч пудов (рис. 3). На Поморском берегу, откуда ходили в Норвегию в XIX в., было зафиксировано до 880 различного рода морских судов, принимавших участие в плаваниях. Это число превышало все данные, касавшиеся других районов Поморья²⁹.

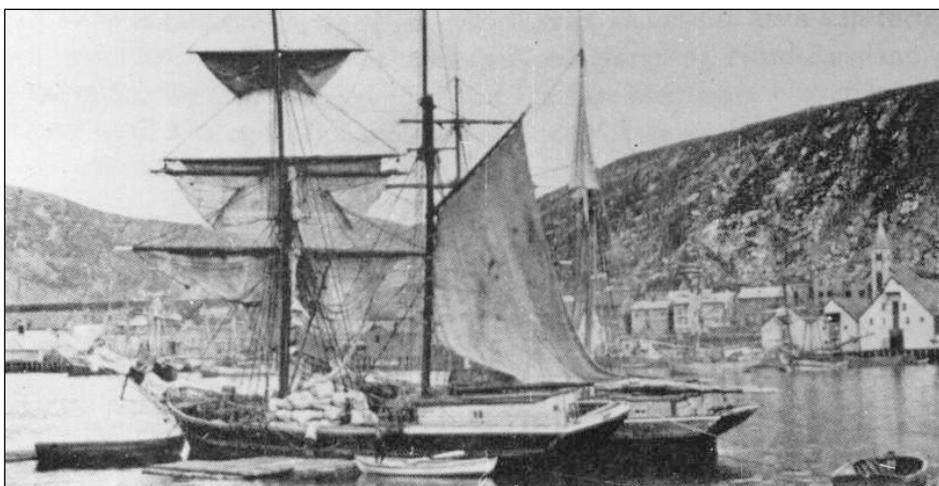

Рис. 3

Известно, что в XVIII в., когда поморы начали интенсивно проникать в северные селения Норвегии, складывался жаргонный язык руссенорск. На протяжении XIX в. в процессе общения он развивался и практически все сделки между русскими и норвежцами осуществлялись с помощью этого смешанного языка. Этот лингвистический феномен был исследован норвежскими филологами и наиболее полно отражен в книге И. Брок и Э. Яре³⁰.

Норвежские рыбаки торговали с русскими на равных, в отличие от условий их общения с норвежскими закупщиками рыбы. Если улов рыбы был хорош, то они могли запастись русской мукой на весь год. Значительная часть русских на протяжении десятилетий заходила в небольшие селения,

где в заливах скапливалось до 80 русских судов, на которых велись беседы об обмене. На представленной фотографии XIX в., сделанной в небольшом норвежском селении Хамнингберг (Hamningberg), хорошо видно скопление русских судов (рис. 4, 5). В некоторых местах до последних лет, несмотря на разрыв в десятилетия со времени прекращения поморской торговли, сохранились обиходные слова: болтушка — камбала, клеба — черный хлеб, крапа — красть, пренник — пряник, спрека — говорить, старурк — старик, samovar — самовар, rukomoinik — рукомойник, sukkoġi — сахар и др.

В брошюре о поморах и поморской торговле, выпущенной в 1977 г. для начальных школ Северной Норвегии, приведен пример беседы русского и норвежца³¹:

Беседа	Перевод на русский
Drasvi, gammel god ven po moja	Добрый день, мой старый хороший друг
Nogoli dag tvoja reisa p� Arkangelsk? — Tri vegel	Сколько дней ты шел из Архангельска? — Три недели
Tvoja fisk kopom?	Ты купишь рыбу?
Kak pris?	За какую цену?
En voga mokka, so to voga treska	Один вог* муки за два вога трески
Njet, eta mala	Нет, это мало
Slik slag, en o hal voga treska, so en voga mokka	Ну ладно, полтора вога трески за 1 вог муки
Jes, davaj	Да, давай
No davaj po kahut sitte ned, so nokka lite tjai drikom	Ну, пошли в каюту, чаю попьем
Basiba	Спасибо

*1 вог — норвежская мера веса в XIX в., которая равнялась 17.932 кг (*прим. авт.*).

Многолетние контакты русских с норвежцами сохранились в памяти обоих народов. В качестве примера приведем в сокращенном виде воспоминания пожилого норвежца, учителя Юхана Столсетта, записанные после Второй мировой войны. Норвежец рассказывал о последней встрече с поморской семьей в августе 1914 г. Шкипер Корнов, владелец лодьи «Святой Петр», после обмена рыбы на муку предложил норвежцам выпить по чашке чая. Рассказчик с теплотой вспоминал уютную каюту, выпечку на столе к чаю, бон-бон (конфеты), орехи, предложенные хозяином. За столом хлопотал улыбающийся добрый сын шкипера. Разговор велся на русско-норвежском. Команда судна играла на гармошке, мандолине и губ-

ной гармошке, пели. Корнов-старший подпевал, поглаживая золотой крест на груди. Хороший день был. Но вот пришли с другого судна, принесли весть о войне и мобилизации. Все стали озабоченными. В тот же день поморы попрощались на кладбище с русскими, покоящимися в чужой земле. Там же они попрощались с Норвегией³². Этот рассказ воспроизводит один из многотысячных эпизодов взаимоотношений между русскими и норвежцами. Примеры подобных встреч можно встретить в различного рода воспоминаниях о поморской торговле. В упомянутой брошюре приведен отрывок из публикации «Nord-Norge i manns mine» («Северная Норвегия в памяти людей»). Летом 1900 г., в разгар торговли рыбой и другими товарами, в гавани г. Хаммерфеста находилось до 200–300 шхун из России и сотни рыболовных лодок. В эти дни численность людей достигала 6–7 тыс. человек в дополнение к 3500 жителей города. Торговля шла бойко. Магазины, кафе были переполнены. На площади предприимчивые норвежки, среди которых была Кристианна Грюгге, организовали торговлю приготовленного дома кофе на покрытых скатертями больших ящиках. Кофе продавали по 10–20 эре, пшеничные булочки — по 5 эре. Иногда торговый люд дополнялся пестро одетыми русскими матросами, продававшими конфеты по 1 эре за штуку³³.

Поморы, хотя и чувствовали себя в Норвегии свободно, часто выражали неудовольствие по поводу притеснения со стороны норвежских властей. Губернатор провинции Финмаркен в 1870 г. так объяснил жалобы поморских шкиперов на местные власти в городе Хаммерфесте: «Русские, находящиеся продолжительное время в Норвегии, до того свыкаются и чувствуют себя как дома, что всякое указание на разницу прав с правами местных жителей кажется им стеснением и несправедливостью»³⁴. Но дело в том, что большая часть поморов, прибывавших в Норвегию, не была знакома с норвежскими законами, касавшимися торговли и плавания в норвежских водах, потому что они не были изданы на русском языке. Кроме того, они не знали размеров норвежских тарифов и других сборов и платили столько, сколько с них требовали, не получая квитанции. Генеральный консул России в столице Норвегии был слишком далеко от Северной Норвегии, чтобы защищать их интересы, а вице-консулы там были норвежскими подданными и не знали ни русского, ни русско-норвежского.

Летом 1870 г. в России был осуществлен поход трех военных кораблей, которые под командованием генерал-адъютанта К.Н. Посьета посетили Новую Землю, Архангельск, г. Колу, а также Северную Норвегию с заходами в г. Вардё, Хаммерфест и Тромсё. На борту одного из военных кораблей в

походе участвовал великий князь Алексей, брат Александра III, но в Норвегии он присутствовал инкогнито. В российской печати отмечали чрезвычайно гостеприимный прием со стороны норвежских властей. В г. Вардё состоялись деловые переговоры с участием губернатора из Архангельска Н.А. Качалова, шведско-норвежского консула в Архангельске Флейшера и губернатора провинции Финмаркен Гольмбое. Обсуждались различного рода пограничные вопросы. Но была затронута и тема поморской торговли и вышеуказанные проблемы пребывания поморов в северных провинциях³⁴. Несколько позднее эти вопросы были урегулированы в России были опубликованы своды норвежских законов, касавшихся торговли³⁵, и в дальнейшем назначались консулы из России.

Необходимо отметить и такое явление, бытовавшее в Северной Норвегии, как найм поморских крестьян на норвежские рыбные предприятия. К примеру, крупный промышленник в Вардё Бродкорп ежегодно нанимал до 20 рабочих из России, работавших у него в течение всего лета. В 1847 г. в Вардё был построен дом в 32 кв. м для размещения там русских рабочих. Воскресными вечерами русские рабочие устраивали в центре города танцы, аккомпанируя на балалайках, домбрах и небольших гармошках. К ним присоединялись команды стоящих в гавани русских лодок. Танцы, по воспоминаниям норвежцев, исполнялись соло, парами или хороводами. Вокруг уличных увеселений русских собирались жители города, слушали песни о Волге, любовные песни, частушки о «коробушке», бабушке, дедушке³⁶. Перед отъездом рабочие закупали на заработанные деньги товары и отвозили их домой в свои села. Купцы и богатые люди при посещении Норвегии часто брали на борт своих жен, нередко и детей, с которыми навещали в Вардё своих знакомых. Норвежцы, приглашавшиеся на чай на поморские суда, после посещения русских отмечали бедное содержание команды и строгую дисциплину на судне.

В 1870-е гг. в Вардё была создана русская пекарня, владели ею Татьяна Митров (Tatjana Mitroff) и Василий Ауземович (Vaseli Ausemowitz). Позднее пекарня перешла в руки дочери Татьяны. В конце XIX в. торговля хлебом шла настолько бойко, что Бродкорп открыл новую пекарню, и норвежские ребята с любопытством наблюдали за процессом выпечки хлеба³⁷. Интересно, что еще в 1960-е гг. норвежцы, помнившие моменты встреч с русскими в детстве, с удовольствием отведали ржаной хлеб при посещении СССР. Свидетелем этого была автор статьи. В 1980-е гг., гуляя по улицам города Хаммерфест, я набрела на ресторан «Поморен», где, судя по представленному меню, посетители могли отведать блюда русской кухни (рис. 6).

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

С середины XIX в. представители богатых слоев купечества стремились изучить русский язык и часто посылали своих сыновей в Архангельск и другие города Беломорья с целью изучения языка³⁸. Высокий уровень грамотности среди поморского населения, отмечаемый уже в XVIII в., умение общаться с представителями других национальностей, использование упомянутого выше руссенорск и нередко норвежского языка способствовали тому, что при сохранении традиционной русской культуры население Беломорья быстро воспринимало различного рода новации. Взаимное проникновение элементов культуры русских и норвежцев имеет прежде всего экономическую основу, но при этом необходимо отметить специфику двух соседних народов.

Хозяйственный уклад и социальная организация поморов способствовали сохранению и развитию некоторых архаичных черт русской культуры, а именно: северная русская община — «мир», различные формы производственных коллективов — «артели», большая семья. Нельзя забывать и о специфической черте поморской культуры — старообрядности.

Культура норвежцев на севере страны формировалась и развивалась в лоне национальной южнонорвежской культуры и имела общеευропейские городские черты. В конце XIX — начале XX в. практически во всех норвежских городах, численность населения которых в среднем достигала 2 тыс. человек, обязательно отмечалось наличие аптеки, больницы, телеграфной станции, абонемента частных телефонов, школы, газет. С 1890 г. улицы освещались электричеством, к тому же в городах Северной Норвегии были представительства Дании, Великобритании, России, Германии и других стран. В 1901 г. в Вардё был открыт филиал Норвежского банка³⁹. Поэтому можно сказать, что для большинства поморских крестьян, живших преимущественно в населенных пунктах с деревенским укладом, статус норвежской культуры был выше русской, и они в определенной степени усваивали норвежский образ жизни, сохраняя основные черты русского: религиозность, пренебрежение к внешнему неустройству быта, проникновение в свой внутренний мир. Норвежцы при общении с поморами удивлялись их жизнерадостности и трудолюбию при суровых условиях их жизни. Норвежское общество было ориентировано на внешние условия бытия и индивидуальность.

В процессе тесных экономических связей поморы обучались у норвежцев внешнему порядку жизни, а норвежцы знакомились с порядком внутренней жизни русских. Схожие природно-климатические условия, уклад, связанный с морскими промыслами, добрососедские отношения и чувства

симпатии приводили к обогащению двух культур, продолжавшемуся на протяжении более столетнего периода тесных контактов.

Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: тесные торговые контакты, установившиеся на протяжении длительного периода между крестьянами и рыбаками Севера России и Северной Норвегии, а также между купеческими слоями этих районов, способствовали взаимопроникновению культур, но не влияли существенным образом на изменение характерных этнических особенностей этих народов.

¹ *Бернитам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1993. С. 228, 68, 43.

² *Ytreberg N.F.* Tromsø som kirkested og by gjennom syv hundre år. Tromsø, 1952. S. 3.

³ *Ibid.* S. 7.

⁴ *Pomor.Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år.* (E. Niemi-red.). Oslo, 1992. S. 116.

⁵ *Булатов В.Н.* Русский Север: учеб. пособие для вузов. М., 2006. С. 122.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ *Шаскольский И.П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомина) // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. М.; Л., 1965. С. 26.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 91, 92.

¹¹ *Ламарминьер П.М. де.* Путешествие в Северные страны (1653), в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килоков, борондайцев, сибиряков, самоедов, новозеландцев. Перевод и примечания В.Н. Семенковича // Записки Московского археологического института, издаваемые под ред. А.И. Успенского. М., 1912. Т. XV. С. VI–VII. (*Voyage des par Septentrionaux. Par le fleur de la Marminiere.* P. V. P., 1671.)

¹² *Шундалов И., Савинов М.* Поморская лоция как исторический источник // Соловецкое море. Москва–Соловки. 2006. № 7. С. 31–42; *Шрадер Т.А.* Поморские лоции — источник плавания русских в Северную Норвегию // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 129–134.

¹³ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 10. Оп. 1. № 222. Л. 15.

¹⁴ *Бернитам Т.А.* Русская народная культура Поморья... С. 68.

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. № 212. Л. 78, 79.

¹⁷ *Шегрин Б.* Повести и рассказы. Л., 1984. С. 50.

¹⁸ Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1886г. Архангельск, 1888. С. 106.

¹⁹ Консульские донесения по торговле и промышленности. Вып 1: Швеция и Норвегия. СПб., 1895.

²⁰ История Норвегии. М., 1980. С. 273.

- ²¹ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. № 2856. Л. 23.
- ²² Кошечкин Б. Имена на скале. Л., 1981. С. 26, 28.
- ²³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 21. Оп. 21. № 39. Л. 1–4 об.
- ²⁴ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. № 286. Л. 73.
- ²⁵ РГИА. Ф. 21. Оп. 12. № 39. Л. 1, 6, 9.
- ²⁶ РГИА. Ф. 10. Оп. 1. № 297. Л. 100.
- ²⁷ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. № 256. Л. 11.
- ²⁸ *Немирович-Данченко В.И.* В чужом краю // Иллюстрированная газета. СПб., 1872. № 1, 9, 17, 27, 82, 106.
- ²⁹ *Бернштам Т.А.* Поморы. Л., 1978. С. 110.
- ³⁰ *Broch I., Jahr E.H.* Russenorsk-et pidginspråk I Norge. Oslo, 1981.
- ³¹ *Hansen E.R.* Pomorhandelen i Finnmark. Emnehefte № 1. Skoledirektøren| Høgskolen I Finnmark, 1977. S. 9, 10.
- ³² *Hansen H.* Nordnorske konturer og profiler. Tromsø, 1978. S. 84–85.
- ³³ *Hansen E.R.* Pomorhandelen... S. 8.
- ³⁴ Описание Мурманского побережья. СПб., 1909. С. 85.
- ³⁵ *Шрадер Т.А.* Северный поход 1870 года и его значение для Севера России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы VI Междунар. науч. конф. СПб., 2005. С. 114–125.
- ³⁶ Свод постановлений, извлеченных из законов Норвежского королевства и касающихся до рыбной ловли и торговли, проводимых русскими в портах и приморских губах Норвегии. Архангельск, 1871; *Теттерман А.* Сборник норвежских узаконений по производству ими торговли и промысла в Северной Норвегии. СПб., 1883.
- ³⁷ Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland... S. 107.
- ³⁸ Ibid. S. 108.
- ³⁹ Ibid. S. 108.
- ⁴⁰ Norges land og folk. Topografisk-statistisk beskrevet. Finnmarkens amt., Kristiania, 1906. S. 18, 46, 48, 61.